

Паула Морган

БАЛЛАДА ЗАБЫТЫХ ПЕСКОВ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Паула Морган

Баллада забытых песков

<https://litres.ru/74327783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первый том истории о древних тайнах, скрытых под бескрайней пустыней, и смертельно опасной любви сквозь тысячу лет.

Альдахоби — страна золотого песка, пропитанного древней магией и хранящего не менее древние тайны.

Ида Риверлес, молодой амбициозный археолог, находит в древней гробнице ее живого короля. Он провел 1 000 лет во сне, закованный в опасный минерал, который местные называют Слезами Фарида, и проснувшись, первым делом поклялся убить девушку, с которой связан узами самой судьбы.

Ида была бы рада находке, ведь кто лучше современника знает о событиях, которые 1 000 лет назад перевернули ход истории целой страны. Однако именно на ее руке -- метка истинности, владелицу которой и поклялся убить древний король.

Клятва «ископаемого шейха» не единственная угроза для Иды. На нее охотятся и убийцы, нанятые неизвестным врагом. Они же делают все, чтобы остановить раскопки, но не в их силах остановить амбициозного ученого, единственная страсть которого — знания.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	57
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Паула Морган

Баллада забытых песков

Глава 1

«Хватит уже в земле ковыряться!» — ворчала мать, когда я заехала навестить ее перед очередной экспедицией. — «Мужика там не откопаешь, а время-то идет. Ты может и сильфида, но тоже вечно жить не будешь. Да и я старею: такими темпами и внучек не увижу!».

Не знаю, что там на счет внучек, но мужика я все-таки откопала. Нет, и прежде откапывала мужчин. И женщин откапывала: такая уж у археологов работа. Но все они были окончательно и бесповоротно мертвы уже как минимум две тысячи лет и походили на неполный набор тухлых костей, который и суповым не назвать.

Сегодня же, вопреки обыкновению, в украшенном древними символами саркофаге лежал на удивление красивый и даже — что уж совсем неслыханно для ископаемого — дышащий мужчина. Живой, одним словом. Что совершенно невозможно: команда пробивалась к комнате с его гробом через сплошную скальную породу несколько дней.

Я несколько раз моргнула и ущипнула себя за руку. Огляделась. Камера, выдолбленная в сплошной скале, наполови-

ну засыпана песком. Почти разряженный светляк заливает маленькое помещение холодным светом. За спиной чернеет проход, через который мне удалось сюда добраться.

Плечо, на котором с юности носила метку истинности, зачесалось. Я поскребла его через белую ткань балахона, наспех наброшенного поверх одежды, и еще раз посмотрела на свою находку.

Склонилась над саркофагом, разглядывая смуглую кожу, черные вьющиеся волосы, длинную бороду, которая порядочно портила в целом красивое и правильное лицо моей находки. Его тело покрывал некогда дорогой халат из красного бархата, расшитый золотыми нитками. За долгие годы одежда превратилась в лохмотья, но остатки бывшего величия все еще угадывались и в фасоне, и в драгоценностях, которые лежали поверх ткани. На груди, в районе сердца, красовалась узкая дыра с запекшейся кровью по краям.

Может, это какая-то шутка? Быть не может. Я помню всех рабочих, среди них таких красавцев нет, а до ближайшего поселения идти много дней по пустыне. Кто бы рискнул проделать этот долгий и опасный путь только ради того, чтобы лечь в гроб?

Проход в эту камеру ночная смена рабочих открыла всего полчаса назад. И сразу разбудили меня, как и просила. В любом случае никому из них пробраться по узкому лазу не позволила бы комплекция.

В горле отчего-то пересохло, когда задержала взгляд на

полных губах мужчины. Они приоткрылись на вдохе, будто призывая к поцелую.

Я еще раз моргнула и покачала головой.

“Так, соберись, Ида, не время слюни распускать. Надо выяснить, что это за мужик и как он тут оказался. Поцеловать можно и потом, если конечно он не пришел, чтобы убить меня”.

Подняв магический светляк повыше, потянулась к незнакомцу, чтобы проверить пульс. В этот момент метка истинности зудела так, что хотелось содрать с себя кожу.

Коснувшись шеи мужчины, я на миг прикрыла глаза и сосредоточилась. И сразу ощутила мерное биение сердца. А когда снова посмотрела на него, встретила с затуманенным взглядом ореховых глаз.

— Кто ты, прекрасное видение? — хрипло спросил незнакомец на старом варианте местного диалекта. — Шпионка моего брата, или быть может убийца от первого советника? Говори, если хочешь жить!

Последние слова мужчина прорычал. Скосив глаза, я заметила у своего горла ржавое лезвие кинжала.

Очаровательно.

— Я здесь не для того, чтобы причинить вам вред, — говорила я и попыталась отодвинуться, но мужчина молниеносным рывком поднялся из саркофага и со всей силы впечатал меня в стену, сжав ладонью горло.

— Осмотритесь. Разве это похоже на ваши покои? — про-

сипела я и задержала дыхание.

Старалась лишний раз не двигаться, чтобы не спровоцировать обезумевшую находку на новую агрессию. Мужчина обжег меня взглядом, обещающим как минимум мучительные пытки в застенках какого-нибудь древнего замка, но все же бросил пару быстрых взглядов по сторонам. И, оценив эксцентричность обстановки, снова уставился мне в глаза. Руку разжимать и не подумал.

— Где мы и что происходит?! — его полный ярости рык разнесся по гробнице, усиленный эхом.

Теряя терпение и остатки кислорода, я скосила взгляд на горло, намекая, что не могу говорить. Надеюсь, что благоумие возьмет над мужчиной верх, но напрасно. Его рука лишь сжалась еще сильнее.

“Ну все, с меня хватит грубостей!”

Простое усилие воли, и вот я уже в облике пустынной лисы прыгнула мимо мужчины, пока он растерянно озирался, пытаюсь меня найти. За его спиной вновь сменила облик и выхватив из-за пояса кинжал, приставила к его горлу. Для этого, правда, пришлось почти вплотную прижаться к широкой спине.

— Не дергайся. Твое имя и звание, — прошипела я на ухо незнакомца.

Он на миг замер, то ли осознавая произошедшее, то ли пытаюсь разобрать непривычный для его уха говор. Вернувшись из лисей формы, я остатками обостренных чув слы-

шала, как колотится его сердце, видела каплю пота, стекающую по виску, и чувала страх. Однако голос мужчины прозвучал спокойно — потрясающая выдержка.

— Мое имя — Кайс-Фарид ибн Асма, правитель королевства Сарвон, — произнес он с такой гордостью и достоинством, что я бы поклонилась, не будь так занята, удерживая возле широкой шеи кинжал.

И не будь он самым известным в истории Сарвона королем-тираном, которого прикончили собственные подданные.

На миг замешкалась, удивленная тем, какую важную находку умудрилась совершить, и король воспользовался этим мгновением, чтобы снова прижать меня к стене и приставить к шее ржавое лезвие своего оружия.

Я приготовилась снова обратиться в лисицу и юркнуть в дыру, куда он со своими широкими плечами не пролезет. Кайс поднял руку с оружием, почти истлевшая ткань его одежды сползла, обнажив предплечье. Которое украшала до ужаса знакомая метка истинности.

Мой мир тут же сузился до этого узора: колючей терновой ветви, что обвивала руку несколькими кольцами и распускалась куцым цветком на конце.

Такая же, как у меня на плече.

– Что это? – сурово спросил Кайс и тоже уставился на свою руку. Его возмущение и любопытство выглядели очень искренними. – Что ты сделала со мной, джинния? Постави-

ла клеймо?

Почти.

– Это чья-то метка истинности, – коротко пояснила я и продолжила наблюдать за реакцией Кайса.

Он в ответ уставился на меня непонимающе. Или он невероятно хороший актер, или действительно не знает, о чем я.

– Два человека, которые носят эту метку, после встречи скорее всего влюбятся настолько, что будут полностью принадлежать друг другу, – торопливо пояснила я.

Взгляд Кайса потяжелел, и только после этого я поняла, что крайне неаккуратно подобрала последние пару слов. Но местные, которые обрели истинных, часто говорил именно так: “Я ей принадлежу”. И произносили это с гордостью или весельем.

– Принадлежать?! – прорычал он. – Что это значит?!

– Я имела в виду, что женщина с такой же татуировкой станет его единственной любовью, не более того. За всю жизнь эти двое могут вовсе не встретиться и далеко не всегда вступают в брак, но метка есть у большинства, – затараторила я, отступая к трещине и намереваясь при первой же угрозе юркнуть туда. – Она почти ничего не значит...

– Она значит, что я навеки окажусь привязан к женщине с такой же меткой! – в принципе верно, но очень уж радикально истолковал мои слова Кайс. – Этому не бывать! Если я узнаю, что за женщина носит такую же метку, я убью ее, клянусь Ио.

Древний король выхватил свой старый кинжал, замахнулся. Я от греха подальше обернулась лисицей, чтобы сбежать, но он полоснул ножом по своей ладони, кровь на клинке и на его коже сверкнула серебром луны, принимая клятву.

– Я убью ее, как только найду, или умру сам! Кайс Фарид ибн Асма не будет ничьим рабом! – прорычал король.

Я фыркнула, уткнулась носом в широкие лапы и зажмурилась.

Твою же мать, Кайс!

Не знаю, сколько бы стояла в оцепенении, но слева раздался взрыв, гробница содрогнулась, на лаз обрушились камни с потолка, а вместе с ними и целая гора песка, которая все продолжала расти.

Глава 2

Какого шайна?! Это взрыв со стороны лагеря, я должна вернуться! Вдруг кто-то пострадал?

— Шайн! Надо выбраться отсюда, — мысли короля-тирана на этот раз, к счастью, совпадали с моими.

Я огляделась в поисках другого выхода, заранее зная, что его нет. Снова почуяла страх Кайса, но выглядел "древний король" все еще до безобразия уверенным. Будто это не его сейчас вновь похоронит целая гора песка.

Чуткими лисьими лапами я начала бегать вокруг и раскапывать песок, покрывающий стены почти до середины, в поисках рыхлого места.

Должна же быть где-нибудь дыра! Не может быть это место совершенно монолитным: пески подвижны и переменчивы, и практика показывает, что их движение и грунтовые воды часто повреждают каменные конструкции. К тому же, камень здесь — сплошной песчаник, он в принципе ломкий.

Так я успокаивала себя, усиленно работая лапами.

Выход должен быть! Я не могу просто погибнуть здесь, как какой-то рядовой грабитель могилы. Я же лучшая выпускница академии! Знаменитый археолог! Я должна выжить и разобраться со своей необычной находкой.

Вот оно!

Песок под лапами промялся сильнее, чем обычно, и я на-

чала остервенело копать.

Хотя бы себе проделаю путь, а этот психованный пусть тут помрет: с его мертвым телом работать будет гораздо проще.

Оглянулась, и заметив, что песок продолжает прибывать, я удвоила усилия. Поняв маневр, древний король тоже приблизился и, опустившись на колени, начал загребать песок широкими руками. Дело пошло быстрее, и вскоре мы добрались до стены, по которой вниз, к полу, бежала широкая трещина. Еще немного труда, и юркое тело лисицы уже могло протиснуться в нее.

Я шмыгнула внутрь и оказалась в темноте незнакомого коридора. Но чуткий нос уловил сквозняк, а значит, здесь есть выход на поверхность.

Вернув сильфскую форму, сорвала с пояса запасной фонарь и ударила по нему, выбивая остатки холодного света. Он моргнул пару раз и погас.

Шайн, разряжен!

Но даже вспышки хватило, чтобы понять, что у пола дыра в стене достаточно широкая, чтобы пролез и крупный человек.

– Бросишь меня здесь, джинния? – спросил древний король, но я едва расслышала его голос из-за стены и шороха песка.

– Продолжай копать, здесь есть проход! – поколебавшись всего мгновение, командовала я. – Помогу тебе с этой стороны.

И уже человеческими – менее чуткими, зато куда более широкими – руками продолжила разгребать песок в разные стороны.

Монотонная работа успокаивала, хотя счет, судя по сдавленному пыхтению короля, шел на минуты.

– Руку! – крикнула я, когда лаз стал достаточно широким для массивной фигуры моей феерической находки.

Но Кайс проигнорировал протянутую ладонь. Лег на спину и вытянул себя через раскопанный тоннель, опираясь на крошащиеся стены и помогая ногами.

Как только он оказался в узком коридоре, послышался грохот, затем глухой удар, будто целая тонна песка разом обрушилась в гробницу, из которой он выбрался только что. Мы с моей находкой остались в крошечной темноте: единственный источник света остался там, за стеной.

– Шайн... – выдохнул король и, судя по звукам, уселся, опершись спиной на стену.

Судя по тому, сколько чувства прозвучало в этом незамысловатом ругательстве, он похоже начал понемногу осознавать свое положение.

– Надо выходить отсюда. Поговорим, когда будем на поверхности, – сказала я.

Я хоть и знала древний вариант местного языка, но лишь по письменам: как он звучал, не могли бы рассказать и самые старые из живущих в пустыне. Поэтому говорила на современном и надеялась, что Кайс сможет понять.

По всей видимости, от идиотизма он не страдал, и хоть речь звучала для его уха инородно, все же разобрал смысл слов.

– Ты сможешь перенести нас на поверхность? – в его голосе надежда мешалась со страхом.

Неудивительно: он принял меня за джиннию – древнего могущественного духа, который может принимать разные облики, в том числе человеческий, и обладает еще шайн знает какими способностями. Правда, эти духи остались лишь в старых сказках, и я к ним не имею никакого отношения. Жаль разочаровывать короля, но...

– Нет, не смогу. Но я чувствую ветер. Мы недалеко от выхода, – сказала я и во избежание дальнейших расспросов снова превратилась в лисицу. Так искать будет проще.

Прижалась боком к стене, чтобы не терять чувство направления, и, пару раз втянув носом воздух, двинулась туда, откуда пахло свежее всего.

Слишком шумные для чувствительных ушей лисицы шаги короля раздавались за спиной: он молча шел следом и напряженно сопел то ли от слабости в теле, то ли от попытки понять, что происходит.

Интересно, как он себя чувствует? После тысячелетнего сна вот так резко вскочить и размахивать мечом – наверное то еще удовольствие.

Кроме того, если он в самом деле Кайс-Фарид, то почему вообще жив? Разве собственные министры не убили его во

время очередного дворцового переворота? А если ему удалось спастись, то почему он не казнил их всех, а вместо этого отлеживался в гробнице целую тысячу лет? Или его кто-то сюда поместил? Спрятал тут? Но в таком случае как его странный летаргический сон не перетек в смерть? За столько лет это было бы совершенно логично.

Столько вопросов, и ни одного ответа! Но тот, кто мог их дать, по-прежнему пыхтел за спиной от недостатка воздуха.

На наше счастье, современники Кайса не строили больших погребальных сооружений даже для своих правителей, и спустя пару поворотов мы – живые гости дома мертвых – обогнув комнату с саркофагом, увидели свет впереди. Яркий полуденный свет и кусочек голубого неба.

Я заметила его первая и со всех лап припустила вперед. До маленького выхода, через который вновь могла пробраться лишь юркая лиса, оставалось всего несколько метров, как вдруг передние лапы уперлись не в привычный пол, а в пустоту.

Сердце ухнуло вниз еще прежде, чем тело, но сильная рука поймала меня за шкурку.

– Аккуратнее. Если тут умрешь ты, то и мне не выбраться, – пробормотал Кайс скорее сам себе и перехватил меня поперек тела.

Неожиданно разумно для того, кто пару минут назад подозревал меня во всех возможных злодеяниях.

Прижатая к широкой мужской груди, я слышала, что серд-

це древнего короля бьется очень часто, и что дыхание его становится рваным. Он боялся гораздо сильнее, чем хотел показать, но все же держался неплохо.

Со мной на руках он перепрыгнул яму, в которую я едва не свалилась, и наконец опустил меня на землю.

На секунду стало даже жаль покидать уютное убежище на сильных руках, но отбросив глупые мысли, я ринулась вперед, к свету.

Путь на поверхность, оказался гораздо дольше, чем мне бы хотелось. Пришлось извиваться, пробираясь сквозь узкую трещину в скале, которая к тому же накалялась.

Сейчас я бы не отказалась уметь превращаться в змею или в маленького скорпиона: тогда не пришлось бы портить свою очаровательную шубку песчаного оттенка об острые крошащиеся камни.

Спустя несколько метров, я – уже порядком уставшая – все-таки высунула нос на поверхность. Вслед за ним протиснула и все остальное лисье тельце через неровные края маленькой трещины и, отряхнувшись от песка, осмотрелась.

Вокруг, куда ни брось взгляд, простиралась пустыня. Прямо такая, на западных картинах в стиле романтизма: с огромными барханами, по которым ветер гнал песчаную поземку. На небе как всегда ни облачка, только огромный шар солнца, или же, как его называли местные, Итара, щедро спускал на землю жар, и воздух дрожал от его напора.

Я стояла на небольшом возвышении из песчаника.

Как же повезло, что его не засыпало, иначе бы я могла вовсе не заметить этот выход. Или вновь пришлось бы копать — шайн знает, как долго.

Слева, в паре сотен метров пути, золотое песчаное море падало во что-то вроде каньона. Тонкий разлом в земле уходил в темноту, и когда я впервые увидела его с вершины бархана, сразу поняла, что там, внизу, будет весело. И что под камнями, на которых сейчас стою, просто обязана прятаться гробница.

Как же приятно осознавать, что оказалась права! Но сейчас не время для бахвальства.

Вильнув для порядка хвостом, я припустила к песчаному каньону, впервые в жизни радуясь, что мне досталась форма не обычной лисы, а именно песчаной: лапы, приспособленные к местной температуре, не обжигал жар песка, и они не проваливались на рыхлых участках. В этом году в пустыню я прибыла впервые, но чувствовала себя здесь почти как дома.

В считанные минуты оказалась у края каньона и, пробежав вдоль него, нашла небольшую тропинку, ведущую вниз. Спускалась по ней лишь однажды, в тот день, когда экспедиция разбила лагерь в его низине, но отлично помнила путь. К тому же, в теле юркого зверька преодолевать ступеньки, которые кто-то будто специально выточил в камне, оказалось гораздо проще, чем в теле сильфиды, да еще и нагруженной огромным мешком с палаткой, провизией и инструментами.

Сверху я различала голоса людей, и стоило сделать

несколько шагов в темноту, как невнятный шум стал складываться в слова.

– Как она могла взорваться?! Она же совсем новая, мы купили ее прямо перед тем, как отправляться в пустыню. Думай, что говоришь! – распалялась Сатия – заведующая складом и припасами в экспедиции.

Глава 3

– И тем не менее факты говорят сами за себя: машина в дребезги, проход завален, и откапывать его мы будем целую вечность. Камень обрушился, еще дней десять понадобится. Столько времени без воды не продержится даже Ида. А я ей столько раз говорил... – рычал муж Сатии, Тирс, начальник небольшого отряда наемников, сопровождавшего нас в пути.

– Да какая разница, из-за чего случился взрыв?! Копайте быстрее! Если поторопимся, успеем ее вытащить! – а это Рэйс, юный выпускник академии исторических наук и мой новый помощник.

Как всегда истерит немного больше, чем того требует ситуация. Но приятно знать, что хотя бы эти трое за меня переживают.

– Дружнее! – взревел начальник бригады рабочих, полукорк, затем раздался хор нестройных голосов рабочих: видимо, они решили поддевать камни рычагами.

Наконец я спустилась в просторное подземелье, куда почти не попадал дневной свет.

Здесь каменный пол, замеченный песком, таил множество опасностей: разломы и дыры, куда может свалиться человек, зыбкие местечки и выступы, о которые ноги запросто сломаешь, но я знала правильный путь, да и лисьи лапы – спасибо им огромное – мчали по песку как по мягкому ковру.

Все так суетились в попытках разобрать завал, что появления моей миниатюрной персоны никто не заметил. И даже когда добравшись до лагеря я на бегу сменила форму и превратилась в сильфиду, никто не обернулся.

– Остановить работы! – с ходу начала распоряжаться я, не давая ни себе, ни команде времени на сантименты. – За завалом всю комнату забило песком. Даже если доберемся до нее, расчистить помещение отсюда не получится. Горуш, выдели из бригады людей для работы на поверхности: к югу от каньона, на выступе скалы, есть еще один проход вниз. Надо его расширить.

Полуорк обернулся, заметил меня, оскалился – что на его лице вроде бы означало улыбку – и прикрикнул на рабочих. Они с явным облегчением побросали кирки и рычаги, которыми пытались сдвинуть камни.

Рано расслабились, дармоеды.

– Собирайте инструменты, быстрее. Как будете готовы – провожу до места работ. Внизу еще один живой, крупный мужчина. Его надо вытащить.

Я хлопнула в ладоши, обозначая этим привычным жестом, что других инструкций не будет, и повернулась к Сатии. Не успела и слова ей сказать, как на плечо легла тяжелая рука Тирса. Наемник выглядел скорее худощавым и жилистым, но это не отменяло его недюжинной силы.

– Я конечно рад, что ты жива, Ида, но просить тебя впредь не лезть в сомнительные дыры бесполезно, правда? – спро-

сил он, прижимая меня к себе.

– Тебя нисколько не волнует новость о еще одном живом человеке в подземелье посреди пустыни? – я вывернулась из крепкой хватки наемника и оглянулась на Рэйса. Он осматривал поломанный светогенератор, который питал большую часть ламп в подземелье, но услышав о моем найденныше, подошел ближе.

– Меня не интересуют аборигены – живые или мертвые. Я здесь, чтобы следить за твоей безопасностью, – отмахнулся Тирс.

– Даже если этот абориген лежал в могиле, а проснувшись, представился Кайсом-Фаридом и напал на меня? – ввела немного конкретики я.

– Напал? – тут же посерьезнел Тирс и внимательно осмотрел меня с ног до головы, но, не обнаружив ни царапины, немного успокоился. – С тех пор, как мы покинули Оазис, покушения прекратились. Неужели кто-то прошел за нами через пустыню? Но тогда мы должны были его заметить. Или наше местоположение продал кто-то из проводников?

– Даже если бы убийцы нас нашли, какой смысл подкармливать меня в гробнице? К тому же в той, которую мы бы возможно вообще не нашли. Это просто нелепо, – прервала рассуждения начальника охраны я.

Обычно я платила за защиту в экспедиции исключительно для душевного спокойствия, но в этом сезоне впервые от отряда наемников, которые как правило лишь проедали за-

пасы, появилась реальная польза: по пути от границы Сарвона до его столицы – Оазиса – на нас напали трижды. И теперь, в четвертый раз, я отбилась от очередного желающего перерезать мне горло.

– Все равно надо проверить. И усилить патрули, – качнул головой Тирс.

– Этим и займись, – сдалась я, лишь бы не чувствовать на себе его удушающую заботу. – Сатия, собери в мешок припасы на сутки и бурдюк с водой. Кем бы ни был этот ископаемый шейх на самом деле, я не хочу, чтобы он умер от жажды.

Когда супруги Гойен разошлись в разные стороны, чтобы выполнить поручения, ко мне наконец приблизился Рэйс. Я видела его обеспокоенный взгляд и уже почти жалела, что согласилась на уговоры этого юнца и взяла его в экспедицию. Знала бы, что тут будет так опасно – оставила бы его в академии.

– Даже если этот твой ископаемый – просто убийца, то зачем он назвался именем древнего короля-тирана? – тихо спросил помощник, растерянно проводя рукой по светлым волосам.

– Понятия не имею. Выживет – выясним, – пожала плечами я и поспешила перевести тему, кивая на генератор. – Что тут случилось?

Только сейчас обратила внимание, что подземелье освещают не энергетические светильники, а обычные масляные лампы. Сатия позаботилась о том, чтобы расставить их эко-

номно, но такой бешеный расход масла все равно прошелся по сердцу как ножом. Мы оставались в двух неделях пути до ближайшего поселка, куда добираются торговые караваны и где можно раздобыть припасы. Отправляться туда спустя несколько дней после прибытия к руинам – просто глупо. Да и людей лишних нет на такие переходы, но если продолжим так бездарно тратить запасы, то придется снарядить пару верблюдов в обратный путь.

Шайн!

– Как ты уже поняла, светогенератор взорвался. Я сам не видел, что случилось: был в палатке, делал записи в путевом журнале. Рабочие говорят, что сначала что-то щелкнуло внутри, потом случился взрыв. Двое пострадали, они в медицинской палатке, – Рэйс кивнул в сторону белого шатра, который стоял в отдаленной и самой темной части подземелья.

Отлично, мне же только парочки калек на руках не хватало! А ведь мы еще даже раскопки толком не начали.

Может, проводники были правы, когда клялись и божились, что это место проклято?

– Сильно ранены? – спросила я и направилась к палатке, чтобы самой увидеть, насколько все плохо.

– Один сломал руку. Второму несколько осколков впились в живот и он почти полностью ослеп от вспышки. Доктор сказал, что со временем он поправится. Правда, ему теперь нужна специальная диета, – отчитался помощник.

К тому моменту, как он закончил доклад, я отодвинула полог палатки. С трудом разглядела в темноте двоих мужчин, которые лежали на спальных мешках. Вскоре увидела и самого доктора, который дремал в дальнем углу. Услышав меня, он приоткрыл глаза и приложил палец к губам, намекая, что лучше не шуметь.

Я кивнула и решила, что с ранеными поговорю потом. Они похоже стояли ближе всех к генератору и могли заметить что-нибудь еще.

– Ида, рабочие готовы, – окликнул Горущ.

– Отлично, идем.

Перехватив по пути к выходу из пещеры мешок, который протянула мне Сатия, я мельком взглянула на трех наемников, приставленных к нашему небольшому отряду Тирсом, и двинулась вверх по каменным ступеням обратно к полуденной жаре.

Вновь оказавшись под палящими лучами Итара, набросила на голову глубокий капюшон светлого балахона и малодушно порадовалась, что идти совсем недалеко. Солнце поднялось над горизонтом не более часа назад, но земля под ногами уже раскалилась настолько, что идти по ней медленно было невозможно. Приходилось бодро перебирать ногами, чтобы песок не поджаривал ступни даже сквозь плотную кожу сапог. В облике лисы бежать было гораздо проще.

Небольшой отряд из нескольких рабочих и трех наемников шел компактно. От каждого на золотой песок падала

длинная тень, в которой мои спутники то и дело попеременно укрывались, служа друг для друга живым щитом. Это мало им помогало, но хотя бы создавало иллюзию, что с вездесущим жаром можно как-то бороться.

Когда мы добрались до скалистого выступа в песках, команда начала устанавливать полог, создающий тень. Наемники, которые обычно чурались работы руками, на этот раз помогали – видимо, им самим не терпелось получить хоть какую-нибудь защиту от палящих лучей.

У меня со лба уже тек пот, но тратить время не отдых я не решилась. Снова превратилась в лисицу, сжала зубами мешок со скудными припасами – Сатия как всегда не особенно расщедрилась – и юркнула в трещину, которую рабочим предстояло расширить.

Пока пробиралась по ней вниз, вновь оставляя на камнях клоки шерсти, и вглядывалась в темноту, на несколько мгновений подумалось, что на самом деле не видела я никакого Кайса-Фарида, и что все произошедшее в подземелье – лишь видение. Спектакль, разыгранный лишенным кислорода мозгом.

Однако оказавшись в узком коридоре гробницы, я сразу услышала живое дыхание, а вскоре, привыкнув к темноте, и увидела того, кто едва не прикончил меня меньше часа назад.

– Я думал, ты оставишь меня здесь в наказание за неуважение, джинния, – сказал ископаемый и на этот раз улыб-

нулся, когда я сменила лисий облик на более привычный.

– Не называй меня джиннией. Меня зовут Ида, я всего лишь оборотень, сильфида, – вспомнив, что так и не назвала ему своего имени, представилась я.

Глаза уже окончательно привыкли к полумраку, и теперь я хорошо видела в нем свою находку. Кайс сидел на полу, опершись спиной о стену и прикрыв глаза. Я бросила рядом с ним мешок, раздумывая, какой из множества крутящихся в голове вопросов задать первым.

Ископаемый сразу открыл бурдюк с водой. Я видела, как жадно он сжал наполненный до краев кожаный мешок, и тем не менее ему хватило выдержки, чтобы сделать из него лишь несколько экономных глотков. Кем бы ни был этот человек, он явно в пустыне не первый день.

Я наблюдала, как он плотно – на мой вкус даже излишне тщательно – закупорил воду и потянулся к мешку. Прежде, чем развязать его, закатал рукава пыльной одежды выше локтей, обнажая вязь татуировки на предплечье.

При виде нее неприятно засосало под ложечкой, но я отдернула ладонь, которой снова невольно потянулась к плечу.

– Я никогда раньше не видела клятв на крови, – заговорила я, чтобы разбавить тишину. – Как она работает?

– Очень просто: если я не выполню то, что пообещал, получу наказание, – Кайс ловко располовинил ножом кусок солонины и прежде чем приступить к еде, протянул часть мне.

Интересно, это какой-то ритуал или просто вежливость?

Уточнять я не стала и взяла, только сейчас вспомнив, что с самого утра не ела ни крошки. Только воды попила перед тем, как снова подниматься из грота под палящее солнце.

– То есть, если ты не убьешь истинную, то буквально умрешь? – уточнила я, прожевав кусок мяса.

– Вернее будет сказать, что если я узнаю, кто моя истинная, то должен буду ее убить. Если не сделаю этого – в течение десяти дней поплачусь жизнью. Было бы опрометчиво клясться убить женщину, которая может быть где угодно, – так равнодушно, будто речь шла о рыбалке, а не о его собственной возможной смерти, пояснил Кайс, с явным удовольствием впиваясь зубами в мясо.

– А если ты узнаешь, кто она, но не захочешь убивать? – продолжила допытываться я.

Услышав мой вопрос, Кайс отложил еду и поднял на меня тяжелый взгляд.

– Дело не в том, чего я хочу или не хочу. У меня есть обязательства и перед страной, и перед семьей, и я не позволю никому и ничему помешать мне их исполнить.

Мой ископаемый говорил тихо, но каждое его слово падало в пространство гранитной плитой. Я могла бы сказать ему, что нет у него больше никакой страны и – как это ни печально – никакой семьи, но почему-то не решалась.

Глава 4

Сверху слышались первые удары кирки, затем шорох мелких камней, которые покатались вниз по лазу. Кайс насторожился, вскочил и беззвучно шагнул назад.

– Что это? Воины твоего племени пришли мстить за нападение на их джиннию? – спросил он, кивая наверх.

Да не джинния я! Но похоже, даже если я еще сто раз напомним об этом древнему королю, он будет называть меня по-прежнему. Упрямый, зараза.

– Нет. Это рабочие расширяют лаз, чтобы ты мог выбраться, – пояснила я все еще напряженному Кайсу.

Он немного расслабился. Ровно настолько, чтобы опустить оружие, но во всей его позе еще чувствовалась готовность защищаться.

– Ешь, – я кивнула на мешок, не желая, чтобы мои усилия пропадали даром, а заодно надеясь, что пока мы оба будем обедать, я придумаю, как бы поаккуратнее вывести, что с ним произошло. И сообщить неприятные новости.

Однако к моему удивлению вскоре Кайс заговорил сам.

– Я точно помню, что заснул в ночь с третьего на четвертый день месяца разлива Ио, в семьсот восемьдесят второй год от того дня, когда ее благородные воды впервые омыли пустыню. Но сейчас я не чувствую на много миль вокруг и вниз ее вод. Должно быть, мы не в столице. Чтобы переме-

ститесь на такое расстояние, с которого я не почувствую Ио, нужно идти много дней. Так сколько же времени я провел во сне?

Слушая его неожиданно красноречивый монолог, я затаила дыхание. И с каждым словом все больше уверялась, что передо мной никакой не самозванец и не подосланный убийца. Его слова, его голос, темп его речи – напевный и плавный – очень походили на стиль тех древних легенд и баллад, которые я читала, когда готовилась к экспедиции. С той только разницей, что он говорил не заготовленные или заученные фразы. Теперь, когда Кайс успокоился, его речь сменилась с по-военному короткой на обычную, и с учетом странного старинного выговора некоторых звуков лилась так же естественно, как воды реки Ио, которую он так часто поминал.

А если это все-таки убийца, то он еще до кучи гениально знает местную древнюю прозу и поэзию. Что маловероятно, по-моему.

– С тех пор, как ты уснул, прошла тысяча лет. По местному календарю сейчас тысяча семьсот восемьдесят второй год от первого разлива Ио, – немного подумав, ответила я.

На счет того, кто и куда его переносил, выясним потом. Явно же он не в гробу засыпал, а в своей постели. Когда вытаским его отсюда, надо будет показать ему ту часть подземных руин, которую позавчера начали расчищать рабочие, и послушать, что он скажет.

Пока мои любопытство и воображение разгорались от

множества вопросов, связанных со странной находкой, Кайс несколько раз рвано вдохнул, осознавая свое положение.

– Ты, должно быть, шутишь надо мной, – угрожающе прошипел он.

– Нет, – я предупреждающе выставила вперед руку и отступила на пол шага, к спасительному и пока еще достаточно узкому тоннелю. – Я докажу, когда выберемся отсюда.

Кайс смерил меня наполненным подозрениями взглядом, потянулся за своим старым оружием, но, немного подумав, так и не схватился за рукоять. Перевел взгляд с меня на еду и воду, затем обратно, и решил, что за спасение его драгоценной королевской жизни может и простить мне эту шутку. Или побоялся убивать джиннию, потому что, согласно легенде, мог за это получить на свою голову ужасное проклятье.

Однако обстановка осталась накаленной, и я решила, что донимать мужика вопросами и дальше будет слишком беспощадно. Ему для начала надо смириться с тем, что все знакомое и любимое осталось в далеком прошлом.

– Мне пора идти. Пожалуйста, не убивай людей, которые придут тебе на помощь. Они могут связать тебя, но не потому, что желают зла: они лишь заботятся о моей безопасности, – попросила я, прежде чем снова обратиться в лисицу.

– Так и быть. На их месте я бы тоже связал вооруженного чужака, – с неожиданной благосклонностью кивнул Кайс.

Шайн знает, что у него на уме. На отдаленную перспективу оказаться влюбленным в женщину он отреагировал как на

вселенскую трагедию, но угроза реального плена его кажется ничуть не обеспокоила. Не мужчина, а сплошная загадка.

Пробираясь по узкой трещине третий раз, я уже примерно помнила, где находятся самые удобные выступы для лап, и проделала путь гораздо быстрее. Скорости добавляло и отсутствие тяжелого мешка с едой. Оказавшись на поверхности, я прямо в облике лисы припустила обратно в лагерь.

Спустившись в прохладную тень низины, даже слегка замерзла: контраст температур между пеклом поверхности и тенью подземелья действовал бодряще. На бегу меня форму, я направилась к Горушу.

– Надо перенести рабочие палатки ближе к свету. Ту, в которой собираем и подписываем находки, рабочую палатку Рейса и мою, – завидев рослого полуорка, проинструктировала я.

Начальник бригады коротко кивнул и повернулся к одному из мужчин, которые нанялись в экспедицию на самую тяжелую работу – разбирать песок и укреплять старые конструкции, чтобы они не рухнули, лишённые привычной песчаной опоры.

– Сатия! – я повернулась в сторону самого большого из шатров, под которым все обедали и ужинали.

Заведующая припасами высунулась оттуда и окинула меня цепким взглядом.

– Лампы повесить только на раскопе, в рабочей зоне, столовой и в шатре лекаря, из остальных мест их надо убрать.

Если работники начнут возмущаться, скажи, что масла не выдам. Хотят огня ночью – пусть жгут свои сандалии и балахоны. И узнай у доктора, какой рацион нужен раненым, на них еды не жалея, – бегло говорила я, наблюдая, как четверо работников вытаскивают вещи из моей палатки.

Убедившись, что Сатия все поняла и не собирается задавать вопросы, я поспешила к ним, чтобы вынести записи и карты своими руками: если что-то порву или потеряю в темноте, то хотя бы винить кроме себя будет некого.

– В той части пещер, куда заглядывает солнце, будет очень душно, – сказал Рэйс.

До этого я видела, как он, заинтригованный возней в центре лагеря, отвлекся от описи находок и подошел.

– И что? Предлагаешь во всем ограничить рабочих, а самой расходовать масло так, будто это песок? – уточнила я, вздернув бровь. Помощник потупился.

Учить еще и учить.

– Критикуешь – предлагай. Или не критикуй вовсе, – напутствовала я и направилась со своими самыми ценными вещами – оригиналами старых карт, по которым мы нашли это место, и собственными записями об экспедиции – вслед за работниками, которые уже собрали шесты и полотно шатра, чтобы передвинуть его.

Работа не заняла много времени, но к тому моменту, как я разложила вещи в привычном порядке, дышать под слоем плотной ткани, на который падала узкая полоска солнца,

стало просто невыносимо.

И обычным-то людям здесь, в пустыне, с непривычки было трудно выдерживать дневной зной. Я же выросла в просторной и цветущей долине огромной реки, рядом с которой местная Ио показалась бы ручейком, и страдала от жары сильнее остальных. Но показывать этого нельзя: что я буду за начальница экспедиции, если стану стенать и жаловаться? Эх, лучше бы отправилась в болота, право слово. Хотя там я вряд ли сделала бы столь интересную находку. Даже если бы кто-нибудь умудрился бы уснуть в руинах затопленной низины, его до белых костей обглодали бы пирании, крокодилы и змеи. В отличие от пустыни, у болот короткая память.

Я привычным жестом пристроила в угол ковра, брошенного поверх каменистого пола пещеры, старое ружье, и запоздало подумала, что стоило наверное взять его с собой, когда пробиралась в камеру Кайса. Однако я не ожидала, что от одного из обитателей мертвого дворца придется отстреливаться. Никто раньше не рассказывал про восставших мертвецов в пустыне: такое порой случалось в курганах на далеком севере, где тела порой сохранялись со всеми мышцами и сухожилиями, но не здесь.

Кстати, надо будет показать ружье Кайсу. В те времена, когда он жил и воевал, об огнестрельном оружии никто еще даже не задумывался.

Расстелила рядом карту, которая и так уже всплывала в памяти, стоило только прикрыть глаза, и еще раз внимательно-

но всмотрелась в расплывшиеся за столетия линии, некогда начертанные рукой неизвестного путешественника.

Первый и до моей экспедиции единственный, кто видел дворец легендарного основателя южной страны Сарвон, клялся, что это невероятный по красоте, хоть и заброшенный комплекс зданий, почти город в городе. Прежде считалось, что неизвестный автор придумал эти руины, чтобы прославить свое имя. Правда, не вышло: легенду о руинах понят до сих пор, но инициалы странника, запечатлевшего их, размылись настолько, что их уже не прочесть.

И вот я сидела в двадцати метрах от восточной – если судить по карте – стены того самого легендарного дворца, и руки подрагивали от предвкушения всякий раз, когда думала о том, какие секреты нам откроет этот осколок древней истории. Впрочем, теперь поводов для любопытства у меня гораздо больше.

Главное, не дать Кайсу узнать, что я и есть та самая женщина, которой он так не хочет принадлежать. Вряд ли он сумеет меня убить: все-таки за охрану я плачу не просто так. Но если он заметит мою метку, то нашему еще не начавшемуся сотрудничеству придет конец.

Но ладно, об этом потом. Сначала дождусь, когда его выташат и приведут в лагерь. А пока – за дело!

Хотелось проверить, как идут работы у сегодняшней дневной смены на раскопе, но я вспомнила про генератор и раненых. Лучше сначала навешу их и спрошу, что они успе-

ли увидеть перед взрывом.

Глава 5

Лампы в медицинской палатке чадили и совсем не добавляли свежести воздуху. Доктор Дэшэн – крепкий рослый мужчина, которого несмотря на возраст и седину язык не поворачивался назвать стариком – склонился над одним из пострадавших и поил его чем-то.

Я осмотрела работников. На одежде одного из них красовался бурый кровавый след в районе живота, рука второго, плотно перебинтованная, была зафиксирована с помощью платка и двух реберных костей неизвестного животного. Такие во множестве валялись на полу подземелья.

– Сэра Риверлес! – заметив меня, работник со сломанной рукой приподнялся на локте, но я подняла раскрытую ладонь, прерывая его приветствие и показывая, что он может лечь.

– Что с ними? – обратилась к врачу, прежде чем допрашивать людей.

– У одного сломана рука, второму осколками порезало живот и грудь, еще ослепило взрывом. Ничего смертельного, но обоим понадобится время, – отставив в сторону чашку с лекарством, ответил Дэшэн.

Врач плавным движением поднялся с колен, и мне пришлось поднять голову, чтобы взглянуть в его раскосые серые глаза, которые смотрели на меня с мягким упреком. Я бы

не сказала, что низкорослая, но он возвышался надо мной на полторы головы, если не больше. Прежде чем озвучивать мне претензии, доктор вывел меня из палатки, подальше от работников.

– Нам нужен другой источник света, лампы чадят. С учетом жары у некоторых работников могут появиться проблемы с дыханием. И у вас тоже, сэра Риверлес, – тихо сказал он.

– Я бы с удовольствием не тратила масло, но не похоже, что генератор можно быстро починить. Я постараюсь что-нибудь придумать, – кивнула я, понимая обоснованность его требований: если половина лагеря сляжет с кашлем – лечить ему.

– И еще кое что, – Дэшэн всмотрелся в мое лицо, потом взял за руку и согнул кисть, заставив поработать запястьем. – Прежде вы не меняли облик так часто, поэтому я не замечал, но теперь вижу: изменение формы сильно обезвоживает вас. Не знаю, так ли это только в пустыне, или здесь просто меньше влаги, потому и на организме сказывается хуже, но я бы рекомендовал по возможности воздержаться от частых превращений. Особенно если вода в дефиците.

Что-то новенькое. Бывало, что после изменения облика мне хотелось пить, но я никогда не придавала этому значения.

Шайн! Не хватало еще помереть от обезвоживания из-за постоянных попыток удрать от собственной находки.

– Я учту, спасибо, – я поспешила освободить руку из

длинных, цепких пальцев врача и вернулась в палатку.

Оба пострадавших уставились на меня: явно понимали, зачем я пришла.

Чтобы не нависать над людьми, я опустилась на землю между лежанками, скрестив ноги на манер местных кочевников, и повернулась к мужчине со сломанной рукой.

– Как это получилось? – спросила я, кивая на бинты.

– Сам взрыв меня не задел, но волна от него была сильная. Упал неудачно, – охотно пояснил он. – Я далеко стоял, и толком не видел, что там с этой шайновой машиной. Только слышал, что она стала сильнее гудеть.

Я кивнула и повернулась к второму мужчине. Теперь я видела, что он вовсе не в одежде, как мне показалось сначала: он почти весь забинтован на манер мумии и прикрыт еще одним куском ткани. Должно быть, много крови потерял.

– Я видел только, как полыхнуло топливо. Шайн, торговцы говорили, что эти энергетические камни безопасны, с ними никогда не бывает хлопот, и механизмы на них работают дольше, чем на масле, – затараторил он, то ли разозленный, то ли испуганный.

– То есть, перед взрывом слезы Фарида вспыхнули? – уточнила я.

Это очень подозрительно. Ярко-голубые кристаллы, которые в Сарвоне называли слезами древней царицы Фарида, уже пару сотен лет использовали как топливо. Но я прежде не слышала об их способности взрываться. Они тем и ценны,

что использовать их совершенно безопасно, хоть и трудно.

– Да, клянусь именем матери, вспыхнули белым пламенем. До сих пор круги перед глазами пляшут от этого света, – часто закивал мужчина. – Вы спросите у других, кто рядом был, сэра Риверлес. Моя бригада отдыхает сегодня. Ну и гудела эту штука порядочно, тут не поспорю.

Я снова кивнула и заметила, что на лбу мужчины появилась испарина. Решила его больше не мучать и вышла из палатки, предоставив пациентов заботам врача.

Рабочие, которые разобрали песок и открыли для меня лаз в камеру Кайса, сейчас наверное спали. Я решила их не беспокоить и подойти к генератору. Возле него как раз крутился Горуш. Он осматривал устройство то с одной, то с другой стороны, и озадаченно чесал затылок.

– Совсем новое было, – пробормотал он, когда я подошла и тоже посмотрела на генератор.

Я купила такой впервые. Хитрое сплетение медных проводов, которые соединяли между собой сеть маленьких ярко-голубых кристаллов, раньше скрывал металлический корпус. Но теперь его стенки разорвало, и из темного нутра торчали обрывки проводов.

– Вот камни, которые оттуда вылетели. Мы их собрали, но как приладить – понятия не имею. Тут какая-то особая хитрость, камни надо правильно соединить, чтобы они снова смогли записывать светильники. Но как – я не знаю.

– Расспроси рабочих из тех, которых мы наняли в Оазисе.

Может, кто-то из них умеет чинить такие штуки? – с сомнением протянула я, вглядываясь в сеть проводов.

Ох не зря меня жаба душила, когда я отдавала едва ли не четверть средств, выделенных на экспедицию, за этот ящик. Но к тому моменту я уже была уверена, что работать придется под землей, поэтому отбросила дурные предчувствия. Нам нужен был нормальный свет.

– Те, кто умеет обращаться с такими штуками, на черную работу не нанимаются, – покачал головой Горуш. – Спрашивал уже, никто не знает.

Шайн!

Я обернулась на лагерь и еще раз его осмотрела. Палатки скучились в середине огромного грота, подальше от каменных стен, но в тени. Между ними сновали рабочие, и издали, как я с трудом отличала одного человека от другого. Все носили одинаковые грязно-белые балахоны и напоминали призраков, снующих по пещере.

На север, вверх по пологому боку скалы, вверх убегала дорожка-лестница. Над головой почти смыкались острые камни, похожие на зубы огромного чудовища. Они едва-едва пропускали вниз, в провал, солнечный свет, и не позволяли ветру навсегда похоронить это место под песком.

Вот бы мне что-нибудь, что отражает его лучи. О зеркалах, как в моем родном городе, тут мечтать не приходится, но хотя бы начищенные медные пластины. Или ярко-белую ткань, а не серые тряпки, которые местные с гордостью на-

зывали цветом лилии или слоновой кости. Они тоже неплохо помогали бы отражать солнечный свет, и тогда днем не приходилось бы жечь масло и чадить на все подземелье.

– Кто здесь главный? – зычный голос разнесся по пещере, услужливо усиленный эхом.

Я сразу узнала его обладателя и повернулась к каменной лестнице. По ней шествовал Кайс, да так гордо, будто он пришел сюда с почетным караулом, а не идет связанный и под конвоем из нескольких бывалых вояк.

Подавив тяжелый вздох – воздух в пещере в полдень становился душным и спертым – я направилась к отряду. Рядом со мной будто из тени вырос Тирс. Они ничего не сказал, но я чувствовала его молчаливую поддержку.

– Вы быстро справились, – отметила я, приближаясь к работникам. Они стягивали с голов белые тюрбаны и платки с вспотевших лиц, тяжело дышали и счастливыми не выглядели. Наверное, хотели побыстрее вернуться в подземелье. Тут конечно не морское побережье, но дышится все же легче, чем наверху.

– Так лаз только у самого подножья узким был, – пожал плечами один из тех чернявых и крепких мужиков, которых мы наняли уже в Сарвоне. Он выглядел самым бодрым из всех.

– Можете отдохнуть, – кивнула я и повернулась к Кайсу. Он стоял, гордо расправив плечи, но его взгляд блуждал по подземелью, привыкая к неровному свету. Глаза останав-

ливались то на конструкциях палаток, то на бурильной машине, которая добывала нам воду, то на оружии охраны, которая ненавязчиво, но плотно окружила нас.

Тирс иногда слишком старается.

Особенно внимательно Кайс смотрел на ружья в руках мужчин, но судя по всему, их назначения не понимал.

– Я глава экспедиции, и ты будешь разговаривать со мной, – отчеканила я, чтобы не оттягивать неизбежное.

Кайс на миг улыбнулся, должно быть приняв мои слова за шутку, но когда их никто не оспорил, бросил взгляд на охранника за моим плечом.

– Так и есть, – подтвердил Тирс.

Кайс ничего не сказал, но в его глазах я видела почти молниеносную смену удивления, затем возмущения и почти злобы. И чуть не вскипела от ярости: моим словам он не поверил, но слова мужика, которого он видит впервые в жизни, тут же его убедили.

Как же с ним будет сложно! Может, застрелись и скормить местным скорпионам. Они обглодают кости, а я потом верну их в саркофаг и скажу, что нашла их уже в таком виде.

– Мужчине не подобает вести дел с женщиной. Я уважаю тебя, джинния, но не потерплю оскорблений, – тем временем ответил Кайс.

Он мне нужен, он может рассказать про времена своего правления. И я не могу просто приказать его застрелить только из-за того, что он меня бесит.

– То есть, со мной ты говорить не будешь? – еще раз спросила для ясности я, прикидывая, как бы его переубедить.

– Нет. Мужские дела не должны касаться женских ушей и умов, – уверенно отчеканил он.

Сын сутулой суки!

Я медленно вдохнула и смерила Кайса холодным взглядом. На работников – даже из местных – это действовало, но он продолжал стоять, как ни в чем не бывало. Что ж, неудивительно.

Чтобы не выругаться вслух, пришлось напомнить себе, что судить древнего ископаемого по меркам нынешней морали бессмысленно. Но и подыгрывать ему, предоставляя вместо себя переговорщика, я не намерена. Его традиции остались в прошлом, и ему придется с этим смириться. Чем раньше, тем лучше для него.

– Думаю, я мог бы поговорить с ним, – выступил вперед Рейс, но под моим взглядом попятился назад.

– Меня это устроит, – кивнул Кайс.

– Меня не устроит, – по-прежнему холодно отчеканила я, хоть в груди все пылало от ярости.

Рейс вздрогнул и вжал голову в плечи. Пообещав ему взглядом взбучку, я повернулась к главе наемников.

– Тирс, пусть твои люди проводят его к Сатии. Переоденьте нашего гостя, накормите и напоите, выделите ему палатку. Держите его под охраной. И самое главное – никому нельзя с ним разговаривать. Узнаю, что с ним кто-то хотя бы поздно-

ровался – весь конвой останется без жалования за этот день, – быстро перечислила инструкции я и повернулась к наемникам. – Все поняли?

Те сдержанно кивнули.

Кайс ситуацию не прокомментировал и молча пошел туда, куда его толкнул один из конвоиров. Я, все еще чувствуя злобу, глядела ему в спину и жалела, что не умею плевать ядом, как сальфиды-змеи.

Когда группа мужчин скрылась в полумраке пещер, Тирс наклонился ко мне.

– И что теперь? Этот гордец наверняка может молчать хоть год, вряд ли ты сломаешь его, – шепнул он, тоже не сводя глаз с нашего гостя.

– Я и не собираюсь его ломать, – улыбнулась я, с трудом отводя взгляд от широкой спины в лохмотьях. – Но пока это не важно. У меня для тебя еще одно задание: устрой своим бойцам тренировку. Проверим, насколько хорошо они стреляют в полумраке пещеры, да и мне практика не помешает. Если мой ископаемый только притворяется древним королем и на самом деле убийца, то высока вероятность, что у нас могут появиться и другие восставшие из могил.

Тирс перевел взгляд с меня на Кайса, потом снова на меня и улыбнулся.

– Понял, будет сделано, сэра Риверлес, – кивнул он и растворился в темноте так же внезапно, как появился из нее.

Я же снова скользнула взглядом по спутанным волосам

Кайса. Да, одиночество его вряд ли dokonает, но вот любопытство – как знать?

Глава 6

Я повернулась к Рэйсу, который наблюдал за происходящим с полным непониманием.

– Кто бы ни был этот дикарь... в самом деле король или нет, разве не проще было предоставить ему переговорщика? – спросил он, когда мы вместе двинулись в сторону склада самых интересных находок.

– Может и проще, но я не позволю нарушать установленный в лагере порядок ради какого-то бедуина. Сначала ему одна поблажка, потом вторая: оглянуться не успеем, как из-за него станем жить по местным дремучим правилам. Если он и в самом деле родился тысячу лет назад, то ему придется привыкать к порядкам нового времени. А если он просто убийца, то стараться ради него тем более не стоит, – объяснила я. – Рейс, когда-нибудь ты возглавишь собственную экспедицию, и самое драгоценное, что у тебя будет в ней – авторитет. Ни деньги, ни находки не позволят тебе выжить в опасных условиях, если твои подчиненные будут считать тебя тряпкой. Ты можешь в десять раз лучше них знать, что делать, но если они тебе не доверяют, то какой в этих знаниях толк?

Рейс проникся и замолчал, но все же открыл передо мной полог длинного шатра. Я взглянула на его светлые волосы, изящное лицо и невольно подумала, что таким жестам место

в столичных салонах. Интересно, что его вообще дернуло в эту экспедицию?

— Проверь, как дела на раскопе, я пока останусь здесь, — попросила я, как только заметила, что помощник сделал выводы из моей речи.

Рейс кивнул и ушел, я же осталась в окружении самых интересных из найденных во дворце вещей. Взглядам сразу нашла новые, сделанные вероятно в то время, пока я мерилась ловкостью с восставшим из гроба Кайсом. Драгоценности меня мало интересовали. Конечно, когда-нибудь руки дойдут изучить и их: судя по мастерству, с которым они выполнены, жившие тысячу лет назад ювелиры понимали кое-что в своем искусстве едва ли не лучше их потомков. Но сейчас мое внимание привлекла фигурка из кости. Цветок, который распускался на шипованном стебле, очень походил на тот, что украшал с рождения мое предплечье.

Судя по виду кости, обрабатывали ее не слишком тщательно, почти неумело, но все же знакомый силуэт угадывался.

Чтобы убедиться, что я не надумываю, закатала рукав повыше и повернулась к лампе. Еще раз рассмотрела такой знакомый цветок, перевела взгляд на кость. Тот же самый, никаких сомнений.

Бегло взглянула на номер находки, написанный на бумаге, поверх которой лежала фигурка, и подошла к карте раскопа. Быстро нашла на ней этот же номер. Если верить записям

Рейса – а причин не верить им у меня пока не было – фигурку нашли в куче мусора.

Сейчас работники копали в районе помещений для слуг и кухни: там повсюду находили обломки горшков, остатки корзин, несколько разбитых печей для готовки и даже одну нетронутую. Обычно черепки керамики просто сваливали в кучи прямо рядом с раскопом – особенной ценности они не представляли – но порой в этих горшках находили драгоценности. Видимо, слуги подворовывали и прятали, чтобы потом продать или передать родственникам. Это означало, что впереди нас ждет куда больше дорогих вещей.

Самодельных статуэток и оберегов никто пока не находил. Может, оно и не странно: люди возможно покидали этот дворец в такой спешке, что не успевали забрать заготовки, но обереги обычно носили с собой всегда, в отличие от ворованных драгоценностей. Так почему этот оказался выброшен? И почему он так похож на нашу с Кайсом метку?

Нашу с Кайсом... Как же глупо!

Я снова скрыла метку под плотным слоем ткани, но кожа зачесалась. Пришлось поскрести ее пальцами.

– Ида! Уже почти четыре! Ты сегодня ничего не ела, оторвись на десять минут от своего старья и марш в столовую! – раздался за спиной голос Сатии.

Я нанимала их с Тирсом уже больше десятка лет, и кажется, они давно начали относиться ко мне как к нерадивой племяннице.

Живот заурчал, напоминая, что только интеллектуальной пищей сыт не будешь, особенно когда по десять раз на дню из сильфиды в лису и обратно прикидываешься. Так что я вняла голосу разума и решила оставить загадку костяного цветка на потом.

После обеда Тирс собрал тех из наемников, кто сегодня не нес караул у спуска, возле Кайса или возле машины, добывающей нам воду, в самой темной части подземелья. Мой замысел он действительно понял и место для тренировки выбрал стратегически-верное: такое, чтобы Кайс прекрасно видел все, что будут делать стрелки.

Я вернулась в рабочую палатку и, прихватив старое ружье, поспешила присоединиться.

Пока шла через лагерь, почувствовала на себе взгляд, и сразу догадалась, кто пытается прожечь во мне дыру. Повернулась к Кайсу, ожидая, что он прекратит, но он продолжал смотреть мне в лицо, даже когда я уличила его в подглядывании. Еще и подбородок вздернул, мол, “говорить ты мне запретила, но смотреть – нет”. Он любовался моим лицом с вызывающей откровенностью, и я на секунду даже смутилась, но быстро опомнилась и отвернулась.

Хочет смотреть – пусть смотрит, но взгляды не изменят моего решения.

– Задачи на сегодня две: очистить пещеру от скорпионов и проверить, так ли вы хороши в стрельбе, как вечно бахвалитесь, – начал Тирс.

Он заложил руки за спину и прошелся вдоль нестройного ряда своих людей. Воинской точности в построении я среди них никогда не замечала, но недавно убедилась, что в случае реальной угрозы они вполне могут действовать быстро и слаженно.

– Кто настреляет больше ядовитых хвостов, получит права один раз передать дежурство другому, – завершил короткую речь глава шайки. – У вас час.

Наемники не воодушевились, многие из них покосились на меня.

– Да да, все верно: если выиграет сэра Риверлес, никто из вас поблажек не получит, – ехидно добавил Тирс. – Начали!

Наемники с тихим ворчанием разбрелись вдоль стены, высматривая добычу, я же не торопилась. Зарядила ружье грубо отлитыми пулями, обернулась на лагерь. Зону с палатками окружала маленькая траншея, глубиной с пол ладони. Ее хватало, чтобы не позволить мелкой ползучей гадости пробраться к палаткам. Но скорпионы от этого не становились менее опасны, поэтому мы с Тирсом периодически устраивали на них охоту.

Пули, в отличие от воды, еды и масла, можно было не экономить: в Сарвоне добывали много металла, и местные ценили его гораздо меньше, чем еду и воду. Оттого наши запасы даже превышали необходимое. Заботы об оружии я доверяла Тирсу: он счел, что нам в этот раз стрелять придется больше, чем обычно, и не прогадал.

Стоило немного сосредоточиться, как темнота отступила. Мир вокруг утратил краски, зато очертания каменных стен стали гораздо четче. Вскоре краем уха я уловила drobный перестук мелких лап, вскинула ружье и, заметив движение на стене, выстрелила. Черная туша шлепнулась на пол, я подобрала ее за хвост и бросила к стене.

Первый – есть. К огромному разочарованию остальных наемников, которые пока не сделали ни одного выстрела.

На Кайса показательно не смотрела, но чувствовала на себе его взгляд. Давай же, древний король и славный воитель: я уверена, ты по достоинству оценишь огнестрельное оружие. И если ты захочешь знать, как оно работает, тебе придется говорить со мной.

За спиной послышались сразу несколько выстрелов, знакомые шлепки панцирей о камень, бодрые подсчеты. Сама я не столько высматривала скорпионов, хоть и подстрелила еще парочку, сколько слушала напряженное дыхание своей находки.

–Вы должны защищать ее, а не соревноваться с ней, презренные! – наконец тихо прошипел он, но ответа не получил.

Отлично. Уже заговорил.

Не без удовольствия я всадила пули в тела еще нескольких ядовитых тварей. К пленнику все еще не поворачивалась, однако чувствовала, что он неотрывно смотрит на меня. Замахавшись, не увидела очередную тварь, которая подползла к ноге, и отшатнулась от острого хвоста в последний мо-

мент.

Кайс дернулся вперед, но его тут же схватили за плечи и вынудили остаться на месте.

– Какого шайна вы творите?! – зарычал он, пока я добивала очередного скорпиона. – Почему вы позволяете ей это? Вы мужчины или безмозглые индюки?!

И снова в ответ ему только тишина.

Спустя еще три скорпиона я услышала, как Кайс повернулся к одному из охранников и кивнул на ружье.

– Как это работает? – тихо спросил он и снова не получил ответа.

Прекрасно: работать целый день бесплатно никому из наемников не хотелось, и они исполняли мой приказ максимально точно.

Прошло не больше десяти минут, прежде чем Кайс наконец окликнул меня.

– Джинния!

Он произнес это странное звание раздраженно, сквозь зубы, но оно в этот раз меня не взбесило, даже наоборот, прозвучало едва ли не музыкой для ушей.

Я забросила дуло ружья на плечо и нарочито неторопливо приблизилась к все еще связанному Кайсу. Теперь его тело прикрывали не лохмотья, а добротная одежда, судя по крою позаимствованная у Горуша. Но волосы и борода оставались спутанными, кожа – темной от налипшего песка.

Даже жаль, такого красивого мужика стоило бы привести

в порядок. Переставай уже упрямиться, Кайс!

– В чем дело? – с показательным равнодушием спросила я, хоть внутренне дрожала от нетерпения.

– Что это такое? – спросил Кайс, кивая на ружье.

– В самом деле хочешь говорить об оружии с женщиной?
– невежливо ответила вопросом на вопрос я.

Кайс подался вперед, окинул меня яростным взглядом, но наемники тут же схватили его за плечи и вернули на место. Мой ископаемый наконец догадался, зачем я устроила это представление, и – готова поклясться – я слышала, как он скрипнул зубами.

Давай же, признай уже, что будешь обсуждать со мной дела. Хоть одной проблемой станет меньше!

– В таком случае почему бы не обсудить с ней и остальные дела? – продолжила давить я, покачивая ружьем прямо перед его носом.

Но он не смотрел на ружье. Вместо этого снова разглядывал мое лицо со смесью злобы и другой – непонятной мне эмоции.

– Ты попираешь мою гордость, джинния, – прорычал он сквозь зубы после короткого молчания.

– Вовсе нет. Я лишь защищаю свою, – пожала плечами я и отвернулась, еще раз показывая, что если он не хочет говорить со мной – не будет говорить ни с кем.

Понадобилось всего два шага обратно в темноту, чтобы Кайс снова меня окликнул.

– Ладно, джинния. Недостойно мужчины и короля позволять женщине вести дела, но за тобой я признаю это право. Временно, – выдал он.

Как будто мне нужно его признание! Мне, выпускнице академии, которая получила диплом с отличием, прекрасные рекомендации, которую звали преподавать, приглашали в лучшие музеи и мира, дает позволение работать какой-то бродяга, который вылез буквально из-под земли. Нет, не так: которого без моей экспедиции может вообще никто бы не откопал!

Возмутительно. Но даже забавно.

– Как видишь, мне не нужно твое признание, чтобы руководить этими людьми. Но мне нужно, чтобы ты говорил со мной, как с равной, – я прекрасно понимала, насколько серьезное это требование, но все же решила рискнуть.

Кайс посмотрел на меня так, будто я назвала местную священную реку Ио сточной канавой.

– Сама просишь себя унижать? – спросил он, будто не верил в то, что услышал.

Я даже немного растерялась, не в силах понять его странную логику.

– Можешь называть это так, если хочешь, – наконец кивнула я.

Кайс только покачал головой, как делают старики, когда дети слишком уж сильно нашкодили.

– Будь по-твоему, но имей в виду: я не опущусь до того,

чтобы оставить тебя без защиты, как делают твои трусливые рабы, – наконец выдал он, но в глаза мне не смотрел. – Однако тогда ты будешь держать передо мной ответ как мужчина.

“Держать передо мной ответ”! С ума сойти, говорит так, будто он тут все еще король.

– Договорились, – не стала спорить я и повернулась к наемникам. – Развяжите его.

Избавившись от веревок, Кайс потер запястья, но тут же расправил плечи. Я ожидала, что он сейчас бросится на меня, и приготовилась стрелять – своя жизнь все же дороже туманной перспективы проникнуть в тайны прошлого – но ископаемый не нападал. Только смерил меня странным взглядом, по которому я не смогла понять, о чем он думает.

– Мне есть, о чем спросить тебя, джинния, но не при рабах, – он покосился на наемников, те вскипели.

– Они не рабы, а вольные наемники, – поспешила объяснить я.

Не хватало еще драки из-за такой ерунды.

– В самом деле? – Кайс снова посмотрел на своих недавних тюремщиков, но уже удивленно. – Тогда почему они подчиняются тебе?

Я только вздохнула. Вот как ему объяснить про деньги, которых у меня при себе нет, и которые банк им не выдаст, если я умру? Про кредит, про трудовой договор между мной и Тирсом?

– Это будет долгий разговор, – только и смогла ответить

я. – Идем.

Сообразив, что я больше не участвую в охоте, наемники приободрились. Я видела и слышала, как самые ушлые из них прикарманили мою добычу и сложили убитых мной скорпионов вместе со своими трофеями, но останавливать их не стала. Мысленно я уже составляла список вопросов, которые задам Кайсу в первую очередь.

Глава 7

Когда я откинула перед Кайсом полог рабочей палатки, приглашая внутрь, он смерил меня таким недовольным взглядом, будто я оскорбила не только его, но и всю его семью до десятого колена, но спорить не стал. Видимо понял, что это бесполезно.

– Ты ответишь на мои вопросы, я – на твои, – пояснила я, устраиваясь на ковре и стряхивая с одежды вездесущий песок.

Кайс кивнул, и я, приободренная этим успехом, продолжила:

– Ты помнишь, как заснул?

Взгляд Кайса на несколько секунд затуманился. Похоже, он и правда вспоминал. Подумать только: вспоминал события тысячелетней давности так, будто это было вчера. Нет, ему нельзя умереть. Как минимум до тех пор, пока я не вытрясу из его головы всю хоть сколько-нибудь полезную информацию.

– Днем я провожал сыновей на охоту, потом проверял арсенал. Вечером был с младшей женой, но перед тем, как заснуть, отослал ее, – сжато перечислил он. – Вчера... в тот день ничего необычного не происходило. Разве что пока я спал, видел странный сон.

– Что за сон? – тут же насторожилась я, когда Кайс замол-

чал слишком надолго.

Ископаемый взглянул на меня недоверчиво, будто не хотел говорить, но после нескольких секунд борьбы взглядов вдруг изменил решение:

– Сначала я подумал, что мне снится подземная долина Ио, где я в числе самых достойных мужчин и женщин своего рода смогу обрести покой после смерти. Но оглядевшись, я понял, что это совсем другая река. Воды и зелени вокруг было так же много, как здесь песка, и над головой возвышалось небо, скрытое за густыми кронами деревьев. Знаю, прозвучит невероятно, но потоки реки сливались и разделялись, и занимали все пространство до горизонта, в какую сторону не посмотри. А на высоких ветвях стояли дома, сплетенные из гибких лоз. Я долго смотрел по сторонам и чувствовал странную грусть, даже горечь, но как будто не мою. Стоило сделать шаг, и все исчезло.

К концу его рассказа я сидела, едва дыша. И хоть понимала природу его сна, объяснить ему не могла.

Он видел сон истинного: мою родину моими же глазами. Видел Тикаль. Правда, только одну из его окраин – центр находился выше по течению, там, где река прокладывала себе дорогу в скалах. Там же стояли каменные дома и храмы, но мы с матерью всегда жили в низине, среди деревьев.

– По описанию похоже на один из городов в долине реки Парана-Гуасу. Ты знаешь что-нибудь о ней? – аккуратно уточнила я в заранее тщетной надежде, что этот сон все же

окажется просто сном.

– Никогда не слышал такого названия. Но слышал рассказы стариков об огромной реке далеко на юго-западе, породившей Ио и множество других дочерей. Это она?

– Возможно, – уклончиво согласилась я.

Это точно сон истинного. Я помню день, когда метка появилась на моей руке: по пути из верхнего города домой я вдруг почувствовала, что плечо ужасно чешется. Остановилась, посмотрела на руку и разревелась. И долго оглядывалась по сторонам, лицезрея именно тот пейзаж, который описал Кайс.

“Неужели когда я стану взрослой, мной будет командовать какой-то мужчина, которому я не смогу отказать?” – спросила я у матери, заливаясь слезами.

Она только усмехнулась и погладила меня по волосам.

“Он будет командовать тобой не больше, чем ты им. Если вы вообще когда-нибудь встретитесь”.

– Джинния? – Кайс аккуратно коснулся моего плеча, выводя из воспоминаний.

Я вздрогнула, ощутив его прикосновение через плотную ткань балахона прямо к тому месту, где находилась метка. Но тут же взяла себя в руки.

– Спрашивай.

– Что со мной произошло на самом деле? И где мы? – поспешно отдернув руку, спросил Кайс.

Я вздохнула, стараясь отогнать мысль о том, каково ему

будет наконец понять, что я говорю правду.

– Не веришь, что проспал тысячу лет? – на всякий случай уточнила я.

Мой ископаемый улыбнулся, и я даже удивилась тому, насколько смягчилось его суровое небритое лицо.

– Я же не бог и не колдун. Обычному человеку невозможно проспать тысячу лет, мы оба это понимаем, – сказал он, наклоняясь ближе. – Так скажи же мне правду, прекрасная джинния.

Расстояние между нами сократилось настолько, что разговор стал почти интимным. Я замерла в растерянности, когда он снова протянул руку и коснулся пальцами локона моих волос, которые выбились из не слишком туго заплетенной косы.

Он что, решил флиртовать со мной, чтобы вывести правду? Идиот. Хотя и соблазнительный идиот, должна признать. Его бы отмыть, нормально одеть и причесать наконец, и сопротивляться его попыткам меня очаровать станет гораздо сложнее. Но пока что я пожалуй воздержусь.

Наткнувшись на мой ледяной взгляд, Кайс сдался и снова отстранился. Самоуверенности ему не занимать, но наглецом он похоже не был.

Вместо ответа я повернулась и взяла карту дворца, которую так и оставила в прошлый раз лежать на ковре.

– Узнаешь? – спросила у Кайса, разворачивая перед ним большой потрепанный лист.

– Разве хозяин может не узнать собственный дом, – равнодушно пожал плечами Кайс, едва бросив взгляд на карту.

– Откуда она у тебя? Один из шпионов в моем доме продал?

– Не совсем, – покачала головой я и ткнула пальцем в зону метрах в двадцати от кухни, складов и помещений для прислуги, – мы здесь.

Кайс нахмурился и попытался припечатать меня к земле тяжелым взглядом. Я внутренне впечатлилась, даже мурашки по коже пробежали, но внешне осталась невозмутима.

– Твои шутки заходят слишком далеко, джинния, – сурово сказал Кайс, поднимая на меня взгляд. – Пусть ты и могущественная, но не смей так играть со мной!

– Идем, сам все увидишь, – я поднялась на ноги.

Честно говоря, до последнего хотелось оттянуть именно эту, самую неприятную часть нашей беседы, но Кайс, как истинный правитель, на мелочи не разменивался: его не интересовала ни метка, ни ружья, ни наша экспедиция. Он сразу перешел к сути.

– Я не сдвинусь с этого места, пока не получу ответов! – вдруг рявкнул он так, что я вздрогнула.

И тут же разозлилась на себя за секундный страх. Не позволю этому динозавру собой так помыкать! Я между прочим пытаюсь ему помочь, но его упертость доведет меня до нервного тика.

– Если ты хочешь получить ответы, тебе придется идти со мной.

Кайс выпрямился в полный рост, задевая макушкой крышу палатки, и я, не дав себе опомниться, шагнула к нему. Вздернула голову и посмотрела в глаза, стараясь показать, что мне нечего прятать. Казалось, сам воздух между нами сгустился и потрескивал, и я уже начала тонуть в ореховый глазах, в которых от злости мерцали золотые искры, но за спиной послышался шорох ткани и мы разом повернулись к незваному гостю.

– Шайново дерьмо, Ида! Рабочие выбежали из раскопа и сказали, что не будут больше ничего делать, – я услышала голос Рейса еще до того, как он нашел край ткани, заменявшей мне дверь. Поиски входа сопровождалась такими смачными ругательствами, которых прежде не слышала даже я.

Наконец помощник сунулся в палатку, явив нам с Кайсом разъяренное, но все еще по-эльфийски прекрасное лицо.

– Эти ослы нашли жалкую грудку костей и испугались, как малые дети. Ничего, я сейчас позову Тирса и мы выбьем из них всю дурь, так что не волнуйся. Но тебе стоит взглянуть на...

Договорить Рейс не успел: Кайс вдруг встал между нами, заслоняя меня от помощника, и тот заметно струхнул.

– Извинись перед джиннией, немедленно, – прорычал мой ископаемый так, будто и не ругался со мной минуту назад.

– Ч-что? – ошарашенно спросил Рейс, разом растеряв всю злобу.

– Ты оскорбил женщину грязной руганью, которую не

пристало произносить и перед мужчинами. Извинись! – рыкнул Кайс.

А я вдруг осознала, что от него слышала только безобидное “шайн”, которое частенько срывалось и с моих губ. И даже сейчас, когда он злился, не говорил ничего грубее.

Но все равно этот цирк надо срочно прекращать.

– Все нормально, – я подошла к мужчинам, но вклиниться между ними не получилось – они стояли слишком близко.

Пришлось положить руку на плечо Кайса, чтобы хоть как-то привлечь его внимание.

– Когда мужчина входит в твой эхан с такими словами – нормально?!

Слово “норма”, вероятно, не было ему прежде знакомо, но он догадался о его значении и произнес почти правильно. Вот вроде местами не дурак, но все же полный идиот!

– Да ты хоть слышал, как сама эта “джинния” кроет матом рабочих и наемников? – возмутился несправедливым упреком Рэйс. – Готов поспорить, даже тебе там есть, каким оборотам поучиться.

Что правда, то правда: иногда добиться чего-то от грубых мужиков можно только не менее грубым словом. Но что-то мне подсказывало, что нынешняя ситуация отличается. Тут не просто лень – тут суеверия, и с ними гораздо сложнее бороться, чем с воровством или пьянством в лагере.

– Ее слова – это ее ответственность, а твои – твоя. Проси у нее прощения! – не унимался Кайс.

– Прекратите оба! – я наконец умудрилась загородить Рэйса от своей вспыльчивой находки и посмотрела прямо в глаза Кайсу. – Он извинится потом, а сейчас надо проверить, что нашли рабочие.

Мы с Кайсом снова столкнулись взглядами, но на этот раз он подозрительно быстро сдался. Посмотрел на Рэйса, затем на меня и отступил.

– Я хочу увидеть, чего испугались ваши люди, – только и сказал он.

Вот и отлично. Заодно убедится, что его дом теперь лежит в руинах.

– Веди, – я кивнула помощнику и он, окинув Кайса неприязненным взглядом, первым вышел из шатра.

Выйдя вслед за Рэйсом, я сразу заметила группу рабочих – дневную смену. Они сгруппировались возле общей палатки. Некоторые переговаривались, опасливо оглядываясь, другие молились, припадая лбами к земле. Наемники уже окружили их, не позволяя никому сбежать, но пока только наблюдали за ситуацией и ничего не делали.

– Глаз с них не спускать! – крикнула им я, получила в ответ кивок Тирса и поспешила догнать помощника. Кайс неотступно шел за мной.

Втроем мы пробрались через большую трещину в каменной стене и оказались в той самой кухне. Ее уже полностью расчистили от песка, все ценное лежало в палатке с находками, подписанное, пронумерованное и нанесенное на карту.

Под потолком повесили одну лампу, которая едва справлялась с тем, чтобы разогнать здесь темноту. У печи я заметила кучу черепков и мелких птичьих костей, среди которых и нашли странную фигурку-цветок, так похожую на мою метку.

Надолго мы в кухне не задержались и прошли дальше, по узкому коридору, песок из которого пришлось вывозить почти сутки. Сегодняшняя смена работала в следующем зале, засыпанном лишь наполовину. Дело шло медленно: я велела убирать песок тонкими слоями и звать меня, если попадется что-то необычное или интересное.

Рэйс все еще маячил впереди и из-за его широкой спины, которая загораживала две трети узкого коридора, я видела только остатки украшений на стенах – выкрашенных в голубой мелких кусочков мозаики, узор которой еще только предстояло восстановить – и яркий свет огня в следующей комнате. Однако когда помощник отступил, позволяя мне окинуть помещение взглядом, я сразу поняла причину ужаса рабочих.

Пол, еще наполовину засыпанный песком, оказался усыян человеческими костями. Присмотревшись, я сразу поняла, что все скелеты – женские. Это стало ясно не столько по форме костей таза, сколько по украшениям, которые некогда венчали истлевшие тела. Кольца, браслеты, многоярусные подвески, звенья золотых нитей в волосах – все это лежало нетронутое, позволяя с первого взгляда восстановить позу, в которой умерла каждая из несчастных.

Скелеты лежали друг на друге, у некоторых были сломаны руки или ноги, пробиты головы, но все они будто до сих пор старались защитить ребенка – девочку, останки которой лежали, прислоненные к стене. На костях ребер висела, зацепившись, тонкая цепочка с украшением в виде маленького белого цветка с бриллиантовыми лепестками.

– Масуме... – прохрипел за моей спиной Кайс и вышел вперед, заставляя меня посторониться.

Я хотела окликнуть его, чтобы не топтал кости. Надо ведь все это зарисовать, чтобы потом восстановить картину произошедшего, и аккуратно снять драгоценности, и сделать подробные записи...

Но осеклась, вдруг вспомнив имя. В легенде о смерти короля-тирана, основавшего Сарвон, говорилось, что у него было всего три ребенка: сыновья Омид и Сохейл, и дочь Масуме. Предание гласило, что все они умерли, поплатившись за злобу и жестокость отца.

Глава 8

– Какого шайна он творит? Нам надо провести опись, надо вернуть рабочих, чтобы вычистили песок. Или нет, давай лучше сами этим займемся, а то те недотепы все перемесят своими сапогами, – затараторил за Рейс, но я шикнула ему.

– Иди проверь, как там рабочие. Спроси, чего боятся, – прошипела я сквозь зубы и посторонилась, позволяя помощнику выйти.

Он посмотрел меня со смесью недоумения и раздражения, но подчинился и покинул комнату.

Я тоже хотела уйти, чтобы оставить Кайса наедине с его горем, но метка сильно зазудела, и сердце сдавила такая сильная печаль, что казалось, будто чья-то рука выворачивает все внутренности, ломает ребра и сдавливает желудок. Чужая боль растеклась по груди тупыми ударами невыносимо-тяжелого молота. И я не смогла сдвинуться с места.

Кайс сделал несколько шагов и замер над детским скелетом. Потухшим взглядом он смотрел на дочь, но будто сквозь нее, несколько секунд. Потом рухнул на колени, прислонился лбом к маленькому черепу, добела отполированному песком, и зажмурился. Его плечи содрогнулись от беззвучных рыданий, на щеках заблестели слезы.

Мою душу выворачивало наизнанку, но не от вида трагической картины страдающего отца. Я буквально делила с

Кайсом боль по праву или – как считали местные – проклятью истинной.

Сама не осознавая, что делаю, приблизилась к мужчине и встала за его спиной. Занесла ладонь, но остановилась в паре миллиметров от его плеча. Имею ли я право пытаться его утешить? Мне известно, что у нас общая метка, но для него я лишь незнакомка, пусть и могущественная колдунья.

Пальцы так и зависли в воздухе, не коснувшись дрожащего плеча. Я сжала кулак и могла только смотреть, как Кайс начинает медленно раскачиваться из стороны в сторону. Он шептал какие-то старые молитвы, слова которых я разбирала лишь отчасти.

– ... великая Ио, прими ее невинную душу... да озарится твоя долина ее светлым смехом...

Я почувствовала, что щеки стали мокрыми от слез, лишь в тот момент, когда соленая влага достигла подбородка. Вытерла лицо ладонью и сдержала некрасивый всхлип. Сейчас тишина была единственным, чем я могла помочь Кайсу пережить момент осознания.

Боль все еще сдавливала внутренности, и мне показалось, что я смотрела на дрожащего Кайса вечность. Суровый король, который, если верить легендам, не знал ни милосердия, ни любви, орошал слезами давно истлевшие детские кости и раз за разом повторял одни и те же простые слова. Внутренности перекручивало от невыразимой тоски, и впервые в жизни я понятия не имела, что должна делать.

Боль стихала постепенно, как морская вода уходила из лагуны во время отлива, оставляя за собой тягостное и вязкое как мокрый ил чувство утраты. Такой огромной, которую не осознать. И может, даже не пережить в одиночку. Я ощущала лишь часть того страдания, которое выпало пережить Кайсу, и боялась даже представить, что сейчас творится в его душе.

Тем не менее, ему хватило сил снова подняться на ноги. Хоть мне показалось, что прошла еще тысяча лет. Он потянулся к ребрам и аккуратно взял бриллиантовый цветок. Неплотные звенья золотой цепочки тут же осыпались, но драгоценные лепестки остались у него на ладони.

Я скрипнула зубами от такого небрежного обращения с находками, но разумеется промолчала. Пожалуй, в этот раз сделаем вид, что цветка тут вообще не было.

– Я подарил ей эту подвеску всего десять дней назад, когда вернулся из последнего похода. Она обняла меня и сказала, чтобы я больше не смел никуда уезжать, – пробормотал он в ту же пустоту, в которую смотрел потускневшим взглядом. – Младшая жена засмеялась и сказала, что если я больше никуда не поеду, то и подарков ей не привезу. Масуме ответила, что одного этого цветка ей достаточно.

Как отец он явно справлялся лучше, чем как король. Хотя... сильно ли отличаются эти роли?

На глаза снова навернулись слезы, на этот раз вызванные моими собственными чувствами. И я вновь поспешила вытереть лицо рукавом балахона.

Взгляд Кайса наконец сфокусировался и он вероятно только теперь заметил, что в комнате не один. Подошел ко мне и, не спрашивая позволения, провел пальцем по моей щеке.

– Не трать воду и соль, джинния. Это моя боль, а не твоя, – прошептал он, стирая остатки влаги с моей кожи.

Я с трудом держала злую усмешку. Знал бы ты, чтобы теперь эта боль и моя тоже, я уже пополнила бы местную коллекцию трупов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.